

Зрителю нужна сказка с хорошим концом

Театральная жизнь в Башкирии не прекращалась ни на день с середины позапрошлого столетия, когда в Уфе под патронажем губернатора Григория Аксакова – сына известного писателя – было выстроено первое здание постоянного театра. Сегодня Русский драматический театр Башкортостана известен далеко за пределами республики. В его богатом репертуаре не просто разнообразны, но сложные и, надо сказать, дорожостоящие постановки. Последнее – заслуга дирекции и республиканского Министерства культуры; в воплощении же изысканных замыслов главная роль принадлежит художественному руководителю Республиканского академического русского театра драмы Башкортостана, заслуженному деятелю искусств РФ и РБ Михаилу РАБИНОВИЧУ.

— Михаил Исакович, не так давно вся республика торжественно отметила ваш 60-летний юбилей. Скажите, а как вы сами оцениваете достигнутое?

— Нет смысла жалеть о пройденном пути. Каждый делает ровно столько, сколько ему назначила судьба. Мне-то посчастливилось как раз: в родне не было людей искусства, никто меня профессионально не ориентировал. Впрочем, научиться профессии режиссера, по-моему, вообще невозможно: либо это заложено в человеке от природы, либо нет. Потому, кстати, и дети не пошли по моим стопам. Ну а какой режиссер из меня получился, не мне о том судить. Шел я к своему делу достаточно сложным путем – через технический вуз и работу у станка. Я и сейчас волнуюсь как-то по-особому, если случится почувствовать запах нагретого металла: хочется к нему притронуться, вновь испытать себя на этом материале.

— А что самое приятное в вашей нынешней профессии?

— Репетировать. Только репетиции!

— Надо ли это понимать так, что на премьеры вы прятаетесь за кулисами?

— Говорить, что готовый спектакль мне больше не интересен, я, конечно же, не стану. Премьера – не конец, а продолжение работы над спектаклем. Я стараюсь по возможности смотреть готовый репертуар, что-то добавлять, что-то поправлять и переделывать. Спектакль – как ребенок, нехорошо его оставлять без родительской опеки.

— Все дети рано или поздно вырастают. А случается, увы, и на дождливой до зрелости. У вас был по таков?

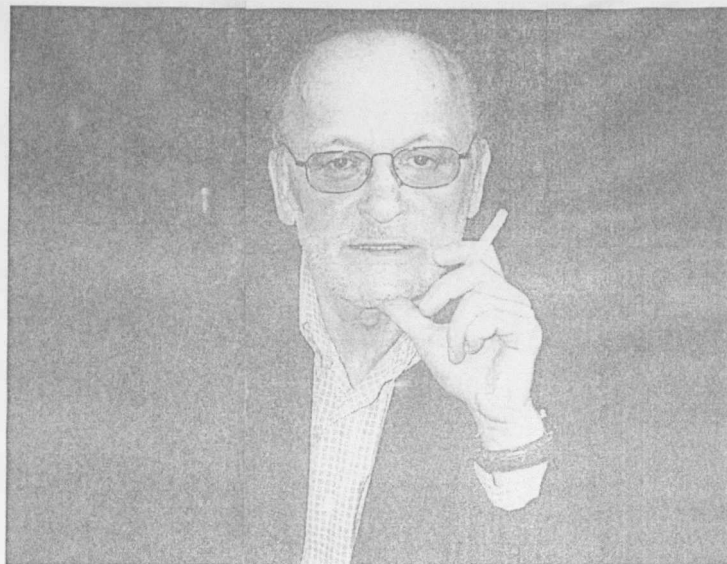
— Спектаклям, которые, как говорится, больше не жили: по тем или иным причинам, просто не даю угасать в медленной агонии. Своей рукой избавляю от лишнего мучений!

— Я, собственно, не это имел в виду. Вот, скажем, кинематограф – он запечатлевает процесс на пленке. Ее можно хранить десятилетия, отложить, потом вернуться, «остановить мгновение» или отмотать назад, пропустить не нужно. Театр такой возможности лишен: зрители смотрят каждый раз от начала до конца один и тот же спектакль. Рано или поздно спектакль уходит со сцены и забывается. Не жалко?

— Всегда жалко. Но сожаление может быть вызвано разными причинами. Первая: спектакль не получен. Вторая: спектакль не понравился. Тогда я стараюсь быстрее снять его с репертуара, как бы это ни было трудно и больно. В таких случаях неизменно чувствуешь вину и стыд: я даже предлагаю директору, чтобы он даже возмещал убытки от таких изъятий. А тут еще артисты, бывает, возмущаются: что вы делаете, мы так любим этот спектакль, а вы его снимаете!

Другой случай – спектакль прожил отведенный ему срок и сходит со сцены. Были такие, например, «Касатки» по Алексею Толстому, «Самозванцы» по Зордану. Или «Пять романсов» по пьесе Владимира Арно – мой первый спектакль в этом театре, когда я только пришел сюда, вернувшись из Уфы. Я ведь копейки и переделывать. Спектакль – как ребенок, нехорошо его оставлять без родительской опеки.

— Все дети рано или поздно вырастают. А случается, увы, и на дождливой до зрелости. У вас был по таков?

М. Рабинович

тии, но эту тему развивать ни к чему – ни КПСС, ни обкома больше нет. А когда я вернулся, меня взяли в Русский драмтеатр сначала на один спектакль, те самые «Пять романсов». Тогда вышел спор с директором. Он сказал: «Миша, если тебе удастся сделать четыре аншлагов, ставлю щик коньяка». Тот спектакль шел шестнадцать аншлагов: для 1984 года в Уфе – событие. А когда я в первый раз вышел кланяться вместе с артистами, мне позавидовало, что сердце сейчас остановится: в зале я увидел всех старых знакомых и друзей. Справь всецел!

Потом был «Кошелек» по пьесе Рошана об авиазаводском заводе, который увязает на посток от войны. Люди разных профессий, социального положения, разных национальностей очень долго едут в поезд и конфликтуют между собой, но в какой-то момент начинают понимать, что выжить они могут только все вместе, невзирая на разли-

чия. В Уфу был эвакуирован точно такой же завод, и спектакль, собственно говоря, я посвятил ему. Многие остались здесь после войны. Пожилые люди в зале плакали, вспоминая прошлое. На премьеру один потерял сознание, и долго потом на спектаклях витал запах валерьянки.

— К вам часто приходит поклонники? Дамы пишут записки?

— На записки такого рода я не отвечаю, но со зрительками общаюсь. Независимо от уровня их, как сейчас говорят, «продвинутой».

— И все-таки, возвращаясь к самому первому вопросу, – вам ничего не хоталось бы изменить в жизни, как она сложилась на сегодняшний день? Скажем, перебраться в другой театр. Ведь есть, например, самые лучшие предложения, в том числе зарубежные?

— Эдак не только мои корни, но и горы родителей, и во всякой жизни. Я по натуре человек соевый, такой, можно сказать, абориген. Министр культуры на одном из спектаклей удивился: мол, откуда ты,

человек городской, так хорошо знаешь башкирскую деревню? А почему я не должен ее знать, если это – моя деревня на моей земле? Я там бываю и все это вижу.

— Постоянные репетиции, с одной стороны, конечно, процесс творческий, но с другой – в той же мере и рутинный из-за своей повторяемости. Что вас подпитывает жизненной энергией, когда появляется усталость?

— Три источника. Во-первых, сам театр. Во-вторых, моя семья. В-третьих, друзья. Жаль, что на книги остается времени все меньше. А потребности путешествовать куда-то, чтобы набираться новых впечатлений, я не чувствую.

— Какие сюжеты вы больше любите ставить? Трагические или со счастливым концом?

— Раз на раз, конечно, не приходится. Но какие-то закономерности у каждого времени есть. Сейчас, например, зрители как мне кажется, особенно остро нуждаются в сказке. А у сказки, разумеется, конец должен быть счастливым. Была по-

ра, в театр по разнарядке спускали квоты: одна пьеса – о руководящей роли партии, одна – о хорошем советском человеке; подходит юбилей автора, и тоже надо давать спектакль. Потом наступило время, когда все хотели выговорить набравшую правду. Наконец появились сложные пьесы прекрасных авторов, разбирались в их подтекстах и интонациях было одно удоровление, но общий лафос угнетал: вот, смотрите, на какой поимке мы живем, и ничего-то в ней не может измениться. И это мы тоже ставили, но сейчас, я считаю, зритель устал от страшного и хочет доброты. Ну сколько, по-вашему, бездомных и наркоманов придет смотреть спектакль про бомжей и наркотики? А остальные, сидящие в зале, чем это реально поможет в их проблемах и делах? Зритель хочет вспомнить, что возможна и другая жизнь, что в мире бывают вера, надежда, любовь. Чтобы им, в конце, концов, жить захотелось!

— Помню вашу «Снегурочку» по Островскому – настоящая феерия. Это, кажется, было года четыре назад?

— В девятносто седьмом. С тех пор мы еще не одну сказку поставили.

— А есть ли проблемы у вашего русского театра, действующего в национальной республике?

— От Советского Союза осталось много русских театров в самых разных национальных республиках. Где-то эти проблемы, безусловно, существуют, но, слава Богу, не у нас.

Президент республики, правительство, Министерство культуры меня ни в чем не ущемляют. Наоборот, все стараются помочь. Не помню случая, чтобы наш президент отказал мне в том, что я у него просил. Полное взаимопонимание. Откровенно говоря, не знаю, как бы я работал, если бы у нас в республике была какая-нибудь другая власть. Может быть, и не работал бы вообще. Даже думать об этом не хочется.

Знаете ведь, как на Востоке принято – вы встречаете долго, не спеша расспрашивает друг друга, как поживают родные, как дела в хозяйстве, как успехи, как кони... Вот и меня, когда случается зайти в чайню, будь высокий кабинет, хозяева спрашивают первым делом: всегда ли полен ваш уважаемый зал? Это не значит, что мы превращаемся в нахлебников. Наоборот, стараемся научиться сами зарабатывать где можно, добиваться окупаемости на-

шего труда. И зарабатываем – не только на зарплату, но и на новые сложные постановки. Разве что когда делаем какой-нибудь соевый амбициозный проект, вроде той самой «Снегурочки», приходится обращаться за помощью. Пользуясь случаем, я искренне и от всего сердца низко кланяюсь нашему президенту за понимание и поддержку.

Более того, скажу еще о «национальном». Как-то дирекция заказала социологам такое исследование. Они посчитали и выяснили, что на каждом нашем спектакле из каждой десяти зрителей четверо – башкиры и татары. Значит, мы им интересны и нужны.

Хотя вообще проблемы есть, конечно, куда же без них. Например, из молодых актеров почему-то в последние время приходит сплошь девочек. Красивые, талантливые, но какой спектакль можно вытянуть только на них одних?

— А что для вас самое страшное в театре?

— Все, что встречается и в жизни. Все это находит отражение на театральной сцене.

— Вот мы и добиваемся до самого традиционного вопроса из тех, что приняты задавать людям творчества: над чем работаете сегодня?

— Пока могу открыть не слишком многое. Мы изменили название одной пьесы, спектакль будет называться «Пригласица в вечность, ваше величество». Суть его не в чем-тобы заслужить вечность, нужно всегда оставаться самими собой.

— А в постановку вы при этом кого-нибудь приглашаете?

— Нет, мы вообще почти этого не делаем, обходим собственным составом, как одна семья. И эту атмосферу обязательно видят и отмечают коллеги, приезжающие для знакомства. Может быть, кто-то такое считает чрезмерной замкнутостью, кому-то я сам покажуся занудным домоседом. Но по крайней мере коллектив у нас работает с большой слаженностью, нет такого, как бывает, чтобы кто-то выжидал на сцене ближних.

— Вы вкладываете душу в постановки. Зрители платят вам своими эмоциями. Скажите, это больше, чем слава и деньги?

— Больше. Это – мечта, это счастье и боль.

Беседу вел
Григорий ПОЛЯНСКИЙ
Уфа – Москва